

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

*кандидат исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник отдела экономической социоло-
гии Института социологии НАН Украины*

Социальная поляризация мира на исходе XX века

Bradshaw Y.W., Wallace M. Global Inequalities. —
Thousand Oaks (Cal.); London; New Delhi: Pine Forge
Press, 1996. — XV; 223 p.

В преддверии нового тысячелетия изучение социально-экономических и политических последствий глобализации заняло важнейшее место в западной социологии. Научному анализу этой актуальной проблемы посвящена и монография адъюнкт-профессора социологии университета Индианы, соредатора “Международного журнала сравнительной социологии” Й.У.Брэдшоу и профессора социологии того же университета, редактора ежегодника “Исследования в области социальной стратификации и мобильности” М.Уоллеса.

Рецензируемая работа вышла в свет первой в недавно созданном издательстве “Пайн Форж Пресс”, которое видит свою задачу в публикации “инновационных” книг по общественным наукам. В рамках этого проекта учреждена специальная серия “Социология для нового столетия”. В изданиях этой серии будут рассматриваться злободневные проблемы человечества с точки зрения сравнительной, исторической, транснациональной и глобальной перспективы.

Рассматриваемая книга представляет собой введение к исследованию причин неравенства между основными регионами мира и в их пределах. Выводы авторов о глобальной социальной поляризации населения опираются на научный анализ огромного массива литературы и источников, в том числе документов ООН и других международных организаций. Несомненной заслугой авторов является сочетание в монографии теоретической аргументации с популярностью изло-

жения материалов, иллюстрирующих расширение пропасти между богатыми и бедными странами на исходе XX века.

Первые три главы книги посвящены описанию нынешних реалий социально-экономической и политической жизни, анализу социальных индикаторов, а также внешних и внутренних факторов роста богатства и бедности. Названия следующих четырех глав четко определяют их содержание: “Африка: продолжающееся падение?”, “Азия: восходящий гигант”, “Европа: объединенная или разделенная?”, “Северная и Южная Америки: вновь открывая себя”. В заключительной главе предпринимается попытка обобщения глобальных социальных изменений и выработки рекомендаций по созданию “лучшего мира”.

В центре внимания авторов находится исследование неравенства через призму ВВП на душу населения в странах Севера и Юга. В 1992 году этот показатель в первых составлял почти 22 тыс. дол., во вторых — всего 308 долл. Крайняя бедность Юга — основная причина обострения глобальных проблем. Как известно, ожидаемая продолжительность жизни является интегральным показателем общего качества жизни в той или иной стране. Названный индикатор колеблется от 39 лет в Гвинее-Биссау до 79 лет в Японии.

Широкое распространение пневмонии, диареи, кори, малярии, столбняка и коклюша неуклонно снижает “шансы на жизнь” детей в бедных странах. Из каждой тысячи младенцев здесь не доживают до пяти лет 166 детей, в богатых странах — 9. По расчетам ЮНИСЕФ, реализация программы по профилактике детских болезней, улучшению детского питания и питьевой воды, а также созданию надлежащих санитарных условий в каждой общине, обеспечению универсального планирования семьи и базового образования для всех детей обошлась бы всего в 25 млрд долл. в год. Если учесть, что американцы ежегодно тратят 31 млрд долл. на пиво, а европейцы — 50 млрд долл. на сигареты, решение этих проблем не стало бы непосильным бременем для мирового сообщества. Однако положение с детской смертностью в странах Юга, как свидетельствуют Брэдшоу и Уоллес, остается критическим.

Первостепенное значение в преодолении отсталости развивающихся регионов в условиях научно-технологической революции, как подчеркивают авторы, приобретает повышение общеобразовательного уровня в странах, вытесненных на обочину мирового развития. Однако данные, приведенные в “Глобальном неравенстве”, говорят о том, что весьма ограниченное число детей в “третьем мире” сегодня имеет возможность получить среднее образование. В 1992 году в бедных странах менее 21% детей школьного возраста посещали среднюю школу, в то время как в богатых странах — почти 90% их сверстников.

Что же касается охвата молодежи обучением в колледжах и профучилищах, то здесь региональные контрасты выглядят еще внушительнее — менее 3% в странах Юга и около 40% в странах Севера. В США и Канаде этот показатель превышает 60%. Авторы приводят убедительные доказательства падения качества и престижа университетского образования в “третьем мире” и подчеркивают, что низкий образовательный ценз, характерный для бедных народов, — одно из основных препятствий на пути научно-технического прогресса, социального развития и интеграции в глобальную экономику.

Анализируя причины обострения неравенства, Брэдшоу и Уоллес обращают особое внимание на *глобальные тенденции*, лежащие в основе противоречий современного мира: 1) глобальная экономика становится более гомогенной; 2) формальные политические структуры все больше фрагментируются; 3) глобальное население постоянно увеличивается; 4) в мире растет осознание проблемы загрязнения окружающей среды; 5) жизненные возможности имущих и неимущих неуклонно поляризуются; 6) этническая или расовая принадлежность и многокультурность становятся все более острыми проблемами в мире.

Состояние глобального неравенства рассматривается в рецензируемой книге, прежде всего, через призму *теории модернизации*, которая разделяет мир на современные и традиционные общества и предписывает развивающимся странам путь модернизации с целью достижения статуса развитых. Вместе с тем, по мнению Брэдшоу и Уоллеса, “теория модернизации содержит некоторые полезные идеи, но она маскирует этноцентрическую точку зрения, возвеличивающую западную культуру, и нивелирует дельные элементы культур бедных стран”, а также “перекладывает вину на жертвы — бедные страны — за их неудачи в развитии, игнорируя неравенство сил богатых и бедных стран” (с. 43–44).

Поэтому авторы “Глобального неравенства” отдают предпочтение *теории мир-системы* И.Валлерстайна, которая более основательно идентифицирует внешние факторы, ограничивающие развитие бедных стран. Суть ее состоит в том, что богатство богатых стран понимается как результат долгосрочной экономической эксплуатации бедных стран, а экономические реалии современной мировой системы — как условия, позволяющие богатым странам оставаться богатыми, а бедным — бедными. В соответствии с моделью мир-системы, в современном мире выделяются *ядро, периферия и полупериферия*, а отношения между ними строятся на основе неокOLONиальной эксплуатации “третьего мира” странами ядра посредством вывоза сырья и использования дешевой рабочей силы.

Брэдшоу и Уоллес отмечают и недостатки теории мир-системы, которые сводятся главным образом к тому, что она почти полностью перекладывает вину за бедность “третьего мира” на страны ядра и преувеличивает пагубное влияние деятельности ТНК в развивающихся странах. *Теоретическая ориентация авторов* заключается в том, чтобы аналитически совместить наиболее обоснованные моменты мир-системной и модернизаторской аргументаций, творчески применяя также другие теории социальных изменений.

Современная Африка, как полагают авторы, с точки зрения теории мир-системы, представляет собой классический пример последствий жестокой эксплуатации сырьевых и людских ресурсов в колониальную эру. Однако использование этого подхода для объяснения внутренней динамики многих африканских стран в наши дни, на их взгляд, чревато упрощенным пониманием действительности и игнорированием взаимодействия внешних и внутренних факторов, глобальных, национальных и локальных акторов.

Особо отмечена в книге низкая эффективность международной помощи африканским странам, ибо правительства их зачастую расточают ее по своему усмотрению, чтобы вознаграждать и наказывать своих граждан и манипулировать ими. При этом “многие западные правительства предпочитают давать деньги непосредственно правительствам третьего мира по той же самой причине — с целью вознаграждения и наказания их или манипулирования ими” (с. 88). Оценивая итоги развития Африки после обретения политической независимости, Брэдшоу и Уоллес признают, что “первые тридцать лет привели к скудным результатам — здесь может не оказаться времени для дальнейших фальстартов” (с. 89). В особенности, если проблема хотя бы частичного списания внешнего долга не будет решена в ближайшее время.

Исследуя проблемы неравенства в Азии, авторы акцентируют внимание на том, что “экономическое чудо” в Японии и азиатских “малых драконах” в значительной мере было обусловлено стратегической помощью США, стремившихся к сдерживанию коммунизма и расширению своих позиций в этом регионе в годы холодной войны. Экономические достижения этих стран отнюдь не сводятся к успешному применению постулатов теории модернизации, так как коллективные и групповые ценности в них ставятся выше индивидуальных, а четыре “малых дракона” являются авторитарными режимами, делающими первые шаги на пути к демократии.

“Выдающиеся свершения Японии, Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня, — пишут Брэдшоу и Уоллес, — служат доказательством того, что “Запад не обязательно является лучшим”, что касается быстрой индустриализации и развития” (с. 99). Что же касается проблемы неравенства в этих странах, то ситуация здесь незначительно отличается от США, где на долю 20% самых богатых граждан приходится 41,9% национального дохода, а на долю 40% самых бедных — 15,7%. Авторы объективно оценивают специфику и успехи модернизации в Китае и Вьетнаме, подчеркивая вероятность опережения Японии экономикой КНР в начале XXI века. Несмотря на трудности в развитии других стран Азии, есть основания для уверенности в росте их потенциала и влияния в мире в грядущем тысячелетии.

Главные причины поражения социализма в странах Восточной Европы авторы видят в обострении экономических проблем, утрате легитимности их правительствами и отказе им в поддержке со стороны СССР. Последовавший вскоре развал СССР не привел к разрешению спора о будущем Европы между “еврооптимистами” и “евроскептиками”. “Несмотря на то, что единение звучит как хорошая идея, оно все еще далеко от реальности, как в Западной, так и в Восточной Европе” (с. 129). Приближению этой цели препятствуют экономические, лингвистические, политические и культурные факторы. Формально Европа объединена в рамках ЕС, однако в обозримой перспективе станет ясно, насколько эффективным является это единство в контексте обострения глобальной конкуренции.

По признанию авторов, сегодня Западная Европа упорно продвигается на Восток по той же причине, что США — в страны Азии. Притягательным магнитом в этом регионе служит трудолюбивая, хорошо образованная, не претендующая на высокую зарплату рабочая сила. Они не скрывают, что модернизация стран Восточной Европы, не говоря уже о бывших странах СССР, представляет собой исключительно трудную и длительную задачу. Решающим препятствием к воссоединению Европы является то, что “Западная Европа может продолжать обращаться со своими восточными соседями как с неравными партнерами, как с источниками дешевой продукции и рабочей силы”. “Колонии, — подчеркивают они, — нельзя рассматривать как равных партнеров” (с. 135).

Говоря о крахе идеи “государства благоденствия” в современном мире, Брэдшоу и Уоллес отмечают: “Слово *благосостояние* никогда не было столь популярным в Соединенных Штатах, как сегодня” (с. 136). По сравнению с США, относительные социальные расходы и качество жизни во многих странах Западной Европы находятся на более высоком уровне. Но это не означает отсутствия темных сторон в образе жизни на этом континенте. К ним относятся ежегодный миллионный приток иммигрантов в условиях экономической рецессии и высокой безработицы, постоянные атаки на иностранцев, активизация неонацистских группировок и ультраправых политических партий, эскалация этнических конфликтов.

По мнению Брэдшоу и Уоллеса, теории модернизации и мир-системы применимы сегодня не только к исследованию положения в развивающихся странах, но и отношений между Западной и Восточной Европой. “Фактически, — подчеркивают они, — XVII, XVIII и XIX столетия вполне можно назвать европейскими столетиями. Но в XX веке Европа была ослаблена двумя мировыми войнами и непомерными притязаниями колониальных империй. Несложно доказать, что Западная Европа сейчас, в новом поиске легких заработков, обращается с Восточной Европой как с неформальной колонией. Несмотря на то, что это справедливо можно считать преувеличением, тем не менее, это подчеркивает тот факт, что Европа теряет почву в международной экономике и нуждается в более

низких ставках зарплаты, чтобы конкурировать со странами Азии и Северной и Южной Америк” (с. 153).

Неравенство на американском континенте рассматривается авторами в контексте решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 год). Как свидетельствует опыт стран Латинской Америки, экономическое развитие далеко не всегда ведет к сокращению нищеты и улучшению экологии. Например, “бразильское чудо” 70–90-х годов под девизом “Развитие сейчас, распределение потом” привело к тому, что около 70% из 157 млн населения Бразилии влечит теперь жалкое существование не выше черты бедности при темпах роста экономики около 14% в год. В жертву развитию было принесено около 160000 кв. миль лесов в бассейне Амазонки. Это вывело страну на шестое место в мире по объему выбросов газов, создающих парниковый эффект, на душу населения.

Не лучше положение в этом отношении и в Северной Америке, и в странах Севера в целом, где 25% населения потребляет около 70% мировых энергоносителей, 75% металлов и 85% древесины. Сегодня средний гражданин США потребляет в 10 раз больше энергии по сравнению с другими обитателями американского континента (кроме Канады) и примерно в 20 раз больше, чем средний африканец. Расточительство ресурсов развитыми странами, как подчеркивают Брэдшоу и Уоллес, является главной причиной обезлесения, опустынивания, загрязнения воздушного и водного бассейнов, глобального потепления и разрушения озонового слоя. Это создает серьезную угрозу окружающей среде во всех странах.

В поисках “лучшего мира” авторы не возлагают надежд на глобальные коммуникации и технологии, призванные стать двигателями глобализации, но фактически ведущие к усилению неравенства. США являются ведущим производителем ЭВМ и компьютерных программ, а английский — господствующим языком в Интернете. Это усложняет или делает невозможным использование странами “третьего мира” важной информации в образовании, бизнесе и т.д., что приведет к углублению пропасти между бедными и богатыми странами в ближайшие годы. “Экономическое неравенство представляет собой главную глобальную проблему, технологическое неравенство — главный глобальный кризис” (с. 190).

Нельзя не согласиться с выводами авторов Брэдшоу и Уоллеса о том, что теории модернизации и мир-системы не указывают реальных путей преодоления кризиса глобального капитализма. *Первая* делает ставку на бесперспективное “догоняющее” развитие, *вторая* — на призрачное перераспределение доходов. Однако предлагаемые авторами меры по смягчению неравенства на глобальном уровне не отличаются оригинальностью. По их мнению, с этой целью достаточно осуществить “три глобальные акции”: 1) увеличить иностранную помощь “третьему миру”; 2) “простить” более чем триллионный долг развивающимся странам; 3) расширить техническую помощь отсталым странам. В дополнение предусматривается ряд паллиативных программ на региональном, национальном, общинном и индивидуальном уровнях. Подобные попытки уже неоднократно предпринимались в последние десятилетия и потерпели сокрушительное фиаско в борьбе с глобальной бедностью.

В результате в течение последних 15 лет доход на душу населения в более чем 100 странах мира снизился, а индивидуальное потребление ежегодно падало, по крайней мере, на 1% более чем в 60 странах. По данным Программы развития ООН, после развала СССР свыше 150 млн чел. оказалось в тисках бедности на постсоциалистическом пространстве. Финансовый кризис, разразившийся в 1997 году, нанес сокрушительный удар по “малым драконам” и “новым промышленным странам” и, по оценке Всемирного банка, приведет к увеличению количества бедных в странах Юго-Восточной Азии в 2,5 раза в предстоящие два года — с 40 до более 100 млн человек [1]. Последняя четверть XX века продемонстри-

рвала крайнюю ненадежность международной финансовой архитектуры и базирующейся на спекулятивной основе “экономики казино”. В итоге, начиная с середины 70-х годов, около 100 стран мира стали жертвами финансовых и валютных кризисов [2].

В этом контексте ведущий экономист Всемирного банка Дж.Стиглиц справедливо ставит под сомнение нынешний маршрут движения человечества к глобальному социальному и экономическому прогрессу, весьма образно подметив: “Когда один автомобиль терпит катастрофу на изгибе шоссе, можно сделать вывод о том, что это произошло по вине водителя или вследствие неисправности его автомобиля. Но когда на том же самом повороте несчастные случаи повторяются изо дня в день, есть все основания предполагать, что, по всей видимости, не все в порядке с дорогой” [3].

К сожалению, достаточно объективно вскрыв многие пороки глобального капитализма, авторы “Глобального неравенства” не смогли предложить действенную альтернативу ему в рамках “Социологии для нового столетия”. Вместе с тем, необходимость переустройства современного мира на более гуманных и демократических, социалистических принципах считается настоятельным велением времени в программных документах Новой лейбористской партии США, а поиск “третьего пути” для вывода мировой цивилизации из глобального кризиса занимает сегодня весомое место в дискуссиях американских университетских интеллектуалов.

Литература

1. *Speth, J.G.* The Plight of the Poor: The United States Must Increase Development Aid // *Foreign Affairs*. — 1999, May / June. — P. 13–14.
2. *Stiglitz, J.E.* Reforming the Global Economic Architecture: Lessons from Recent Crises // *Journal of Finance*. — 1999, August. — P. 1509.
3. *Stiglitz J.* Global Economic Prospects and the Developing Countries: Beyond Financial Crisis, 1998/99. — Washington, 1999. — P. XII.